

За что Вы так браните Бѣлинскаго, многоуважаемый Ѳедоръ Михайловичъ? Онъ былъ весьма небольшихъ размѣровъ человекъ, но талантливый, искренній, прямой.

Да, слава въ прихотяхъ вольна....

.....

Но намъ ужъ то чело священно,

Надъ коимъ вспыхнулъ сей языкъ.

Конечно очень грустно то уродливое развитіе, которое мы переживаемъ. Едва ли не правъ Данилевскій, что поправить насъ можетъ только борьба съ Европою, море крови, всяческія битвы и потрясенія. Мнѣ иногда кажется, что самые свѣтлые умы подверглись заразѣ. Обожаніе прогресса, чрезмѣрное уваженіе къ уму, къ знанію, весь складъ, всѣ привычки мысли — какъ Вы все это вырвете и очистите? Чувствуя, что Западъ падаетъ, мы однакоже едва ли понимаемъ, гдѣ корень этого паденія. Римляне когда-то жаловались, что вся бѣда отъ Грековъ. Но наше положеніе хуже, потому что до сихъ поръ нельзя даже утвердительно сказать, что Россія не есть

Больной, разслабленный колоссъ.

А Римъ былъ несомнѣнно здоровымъ колоссомъ и никому и показаться не могъ разслабленнымъ.

Съ большимъ нетерпѣніемъ жду я выхода 3го тома Хомякова (Записки о Всеобщ. Исторіи). Вышла какая-то глупость: въ газетахъ объявили объ этой книгѣ, а ни одного экземпляра достать нельзя. Примусь серьезно изучать его взгляды на исторію; что-то онъ хотѣлъ сказать?

Получили ли Вы «Зарю»? Меня увѣряютъ, что давно и исправно посылается къ Вамъ. Но такъ какъ Вы ни слова не говорите о книжкахъ этого года, то я до сихъ

// л. 38

поръ въ сомнѣніи, и прошу Вашего положительнаго отвѣта. А прочтите мои статьи — непременно скажите что-нибудь, хоть ругните.

Благодарю Васъ очень за теплое участіе къ моей литературной участи, за Ваши совѣты и предположенія. Но какъ Вы хотите, чтобы я писалъ, когда въ «Зарю» моихъ статей — не-то что избѣгаютъ, а не принимаютъ просто и безусловно? У меня разомъ пропала охота, когда мнѣ дали почувствовать, чтобы я меньше писалъ. Въ другой журналъ? Но такой переходъ очень труденъ; я избалованъ, привыкъ самъ выбирать темы, привыкъ быть дома, а не въ гостяхъ тамъ, гдѣ пишу. И изъ за чего я буду натуживаться, когда никто не проситъ? Я работалъ для *Зари*; теперь пожалуй стану работать для *литературы*. Но въ такомъ случаѣ лучше собраться съ силами и написать что-нибудь дѣльное, чѣмъ тратиться на ежемѣсячное писанье. Въ четырнадцать мѣсяцовъ я написалъ около *двадцати пяти* листовъ — для меня это очень много. Это было большое усиліе съ моей

стороны. Но теперь оказывается, что требуется не усилие, а дѣло. Посмотримъ, подумаемъ.

Вы говорите, что я слишкомъ скоро падаю духомъ. Но припомните — палъ *Свѣточъ*, закрыто было *Время*, пала *Эпоха*, пала *Библіотека для Чтенія*, выскользнули изъ рукъ *Отечественныя Записки*, не удалась *Заря* — не ужели это благопріятныя условія для писателя журнальныхъ статей? Впрочемъ — Вы имѣете право упрекать другихъ въ недостаткѣ энергіи, потому что сами Вы конечно сдѣлали больше всякаго — я разумѣю Вашу дѣятельность послѣ *Эпохи*, послѣ жестокаго удара, съ которымъ конечно не могутъ равняться

// л. 38 об.

удары, перенесенные другими.

Очень бы хотѣлось получить отъ Васъ еще нѣсколько строкъ до отъѣзда. Ваши письма мнѣ безмѣрно-пріятны; очень радъ если хоть сколько-нибудь угождаю Вамъ своими.

Разскажу Вамъ про Тургенева. 16го Февраля, во Вторникъ я кончилъ статью объ немъ и пошелъ обѣдать къ Майкову, по обыкновенію. На Невскомъ вижу на встрѣчу идетъ Тургеневъ. Былъ легкій морозъ, день солнечный, и Тургеневъ мнѣ показался помолодѣвшимъ и поздоровѣвшимъ. Обрадовался я совершенно неизвѣстно чему, и подходя поклонился самымъ вѣжливымъ образомъ. Но у Тургенева что-то блеснуло: онъ какъ будто не узналъ, лицо стало презрительно-гнѣвнымъ и онъ холодно отдалъ мнѣ небольшой поклонъ. Дни¹ черезъ два заходитъ ко мнѣ Полонскій и разсказываетъ: «А у меня былъ вчера Тургеневъ». — Кто же еще былъ? — «Да Златковскій и Покровскій — больше никого. Я хотѣлъ Васъ позвать, и говорилъ Тургеневу, сказалъ, что Вы о немъ пишете. Но онъ — представьте — слышать не хотѣлъ, увѣривъ, что никто еще не оскорблялъ его такъ, какъ Вы, что Вы называли его *злословной бабой* и пр. что Вы говорили не о его талантѣ, а о немъ, какъ о человѣкѣ. Наотрѣзъ отказался Васъ видѣть». Полонскій сплетникъ,² конечно совершенно добродушный. Но я былъ радъ, услыхавъ, что мои слова дошли по адресу. Малодушіе Тургенева для меня столь очевидно, что я не каюсь въ своихъ выраженіяхъ. Отчасти я мстилъ и за Васъ (объ Васъ есть у него двѣ строчки въ «Воспоминаніяхъ») и какъ видите отомстилъ.

Какая позорная трусость! Какое отсутствіе всякой вѣры! Я слышалъ потомъ, что онъ ужасно подличалъ передъ молодыми людьми,

// л. 39

заискивалъ у молодого поколѣнія.

Есть тутъ одинъ умный человѣкъ, В. В. Григорьевъ, «біографъ-оріенталистъ» (помните статью Кавелина въ защиту Грановскаго?). Отъ него одного я слышалъ мысль, которая часто приходила мнѣ въ голову. Онъ говорилъ: «Во всемъ виноваты старики, а не молодежь. Старики трусятъ, не знаютъ, чего имъ держаться, подличаютъ передъ юношами.....»

¹ Так в рукописи.

² Далее было: и

Что Вы скажете о французскихъ событіяхъ? У насъ, по обычаю, явилось много ярыхъ приверженцевъ коммуны. Сколько я ни спрашивалъ, ничего не понимаю. Сегодня мнѣ показывали письмо Сарсе, драматурга, занимавшагося почти однимъ искусствомъ. Онъ говоритъ, что въ настоящую минуту онъ на 45 году жизни все бросилъ, увлеченъ вполне вопросомъ Парижскаго возстанія, измѣнилъ всѣ свои занятія. Какъ думаете? Не начинается ли новая эра? Не заря ли будущаго дня?

Излѣчится ли когда-нибудь Европа отъ этихъ суевѣрныхъ ожиданій? Или ей суждено вѣчно рваться въ ожиданіи невѣдомаго будущаго, вѣчно истощаться, чувствуя, что чего-то недостаетъ въ ея настоящей жизни, а чего — неизвѣстно.

Отважное племя Яфета останется такимъ до конца. Будемъ ли мы счастливы?

Но я заболтался. Когда увидимся, Ѳедоръ Михайловичъ, можетъ быть воротятся хоть въ малой долѣ тѣ безконечные разговоры, которые когда-то мы вели съ Вами. Я поѣду въ первыхъ числахъ Іюня, по крайней мѣрѣ такъ предполагаю. Но нынче время скоро идетъ; не только осень, но и смерть вовсе не такъ далеко, какъ было когда-то. Душевно желаю Вамъ всего лучшаго. Аннѣ Григорьевнѣ усердный поклонъ.

Вашъ преданнѣйшій
Н. Страховъ

1871 г.
4 Мая
Спб.

// л. 39 об.